

ТАМАРА ЭЙДЕЛЬМАН

ДОРОГИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:

РЫЦАРИ, РАЗБОЙНИКИ, КОЧЕВНИКИ, СВЯТЫЕ

18+

История и наука в деталях

Тамара Эйдельман

**Дороги Средневековья. Рыцари,
разбойники, кочевники, святые**

«Издательство АСТ»

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4

Эйдельман Т. Н.

Дороги Средневековья. Рыцари, разбойники, кочевники, святые /
Т. Н. Эйдельман — «Издательство АСТ», — (История и наука в
деталях)

ISBN 978-5-17-151696-3

* НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
ЭЙДЕЛЬМАН ТАМАРОЙ НАТАНОВНОЙ ЛИБО КАСАЕТСЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ЭЙДЕЛЬМАН ТАМАРЫ
НАТАНОВНЫ. Эта книга вобрала в себя рассказы как о воинах – самураях,
викингах, крестоносцах и рыцарях, так и о городах, замках, монастырях,
существовавших в Средние века. Что такое харакири? По какому принципу
строилась японская армия? Как был устроен драккар викингов? Какие города
осаждали крестоносцы и чего они добивались? Не менее важно в книге всё,
что связано с религией. Между воительницей Жанной д'Арк, древнерусскими
князьями Борисом и Глебом, и протопопом Аввакумом — пропасть различий.
Но всех их объединяет пламенная вера. К чему стремилась Жанна д'Арк?
Чем прославились князья Борис и Глеб? Средневековье было жестоким и
прекрасным, кровавым и религиозным, христианским и языческим... И при
этом — невероятно загадочным. В формате PDF А4 сохранён издательский
дизайн.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-17-151696-3

© Эйдельман Т. Н.
© Издательство АСТ

Содержание

От автора	7
Часть 1	8
Можно ли разговаривать с травами, или Рождение медицины	8
Аттила – бич божий или великий вождь?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тамара Эйдельман

Дороги Средневековья. Рыцари, разбойники, кочевники, святые

© Эйдельман Т.Н., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Дизайн обложки Анны Якуниной

Во вклейке и блоке использованы изображения из коллекций Bibliothèque nationale de France, Nasjonalbiblioteket, The Library of Congress

Т.Н. Эйдельман Министерством юстиции РФ внесена в реестр иностранных агентов

* * *

От автора

Как известно, понятие «Средние века» придумали гуманисты эпохи Возрождения. Они вкладывали в это название уничижительный смысл. Средние века – странный, затянувшийся перерыв между прекрасной Античностью и той эпохой, которая Античность возрождала. Средневековье – темное, мрачное, невежественное и жестокое. Таким оно виделось людям XIII–XV веков...

Сегодня мы понимаем, что Средневековье, безусловно, было жестоким (как, впрочем, и Возрождение), но эта эпоха знала высочайшие культурные достижения и духовные взлеты, сияла множеством красок и оттенков. Средние века уже давно реабилитированы. Они превратились в материал для множества авантюрных романов и красивых фильмов, стали предметом изучения выдающихся историков.

Дать исчерпывающий рассказ о Средневековье, наверное, невозможно. В своих лекциях я выбирала те сюжеты, которые казались мне наиболее увлекательными и должны были вызвать наибольший интерес слушателей. Сегодня, глядя на список тем, я вижу, что среди них преобладают рассказы о воинах – будь то самураи или крестоносцы.

Для людей Средних веков война действительно была одним из главных занятий – и к тому же одним из самых почетных. Мы много знаем о крестовых походах или об экспедициях викингов, потому что о них много писали, эти события фиксировали – иногда с гордостью, иногда с ужасом.

Не менее важным для людей тех далеких веков было всё, что связано с религией. Монахи молятся за весь мир – и в этом их великое предназначение. Только церковь может отпустить грехи и обеспечить душе рай после смерти. Ни о каком спасении вне церкви речи тогда не шло. Между воительницей Жанной д'Арк, древнерусскими князьями Борисом и Глебом и бесстрашным протопопом Аввакумом – пропасть различий. Они принадлежали к разным обществам, разным векам, преследовали разные цели. Но всех их объединяет пламенная вера – такая, которая, наверное, была возможна только в Средние века.

Средневековье – это мир рыцарей и монахов, замков и монастырей. Но это еще и мир городов, где зарождается и развивается уже другая жизнь, где люди думают и действуют по-новому, потому что видят на своих базарных площадях купцов, приехавших из далеких земель, слышат рассказы об удивительных местах, сами отправляются в путешествия – и начинают понимать, что жизнь не ограничивается только твоей общиной. Они хотят сами решать свою судьбу. Так появляются вольные города – от Флоренции и Любека до Новгорода и Пскова.

А рядом с ними всё равно медленно течет древняя, архаическая жизнь деревень, где христианство соседствует с верой в духов деревьев и трав, где смешаны обряды разных времен, где люди живут, с трудом отделяя себя от природы.

Вот таким было это загадочное Средневековье – жестоким и красивым, кровавым и религиозным, христианским и языческим... И в любом случае – невероятно интересным.

Часть 1

Воины, колдуны, святые

Можно ли разговаривать с травами, или Рождение медицины

В этой главе я хочу поговорить о знахарях и колдунах – тех, кто умел вступать в контакт с магическими силами природы и использовать эти силы иногда во вред другим, но очень часто и во благо; о тех, кто колдовал, лечил, обеспечивал хорошую погоду и урожай, кто знал и понимал великую целебную силу трав.

Погрузившись в данную тему, я впервые задумалась о том, как часто мы сегодня обращаемся к медицинским услугам. При этом я говорю не о тяжелобольных людях и не о хронически больных. Условный человек, который считает себя здоровым, с младенчества посещает врачей (в плановом порядке), проходит медосмотры в школе, диспансеризацию в вузе, на работе; когда заболел – идет в поликлинику, вызывает на дом врача или скорую помощь. Кроме того, мы можем прийти в аптеку и попросить средство от боли в горле или в животе, купить там витамины, пищевые добавки и так далее. Полечить зубы с обезболиванием – великим завоеванием современности. Огромное количество разных медицинских услуг мы сегодня воспринимаем как данность. И хотя часто ругаем эту сферу (нередко вполне обоснованно), однако в течение тысячелетий большая часть населения Земли была лишена подобного.

Мы знаем имена выдающихся медиков древности, слышали истории о том, как они лечили, какие идеи рождались в их головах. Наверное, самый знаменитый врач прошлого – это великий Гиппократ, живший в V–IV вв. до н. э. Во множестве своих трактатов он рассказал о понятиях общеврачебной этики (гиппократова клятва, например), а также сформулировал идеи, которыми врачи пользовались в течение долгих веков. Родился Гиппократ на острове

Кос, в значимом для древней медицины месте, потому что там находился храм бога врачевания Асклепия – асклепион. Обычно болящие могли обратиться к жрецам таких храмов, которые являлись организациями не только культовыми, но и лечебными, попросить помощи у бога, принести жертву, остаться на ночь – подождать, пока бог даст какой-то ответ. И, помимо этого, жрецы асклепионов собирали медицинские знания, обучали тех, кто хотел служить делу врачевания, – то есть это был зародыш некоего медицинского учреждения, нечто среднее между больницей или, скорее, амбулаторией и медицинским институтом. Очевидно, Гиппократ тоже имел какое-то отношение к подобному заведению.

История сохранила сведения о трехстах таких асклепионах античности. Наверное, их было больше – предположим, что еще триста. Но это на весь античный мир! Сколько людей могли прибегнуть к их услугам? Естественно, помощью жрецов Асклепия с острова Кос пользовались не только местные жители – туда приходили люди отовсюду. Однако понятно, что доступно это было далеко не всем. Ведь больному приходилось пройти иногда долгий путь, требующий средств и сил. Тяжелобольной вряд ли мог с этим справиться, а человек с легким недомоганием, вероятно, не видел смысла в подобном предприятии. Так что, скорее всего, люди пользовались услугами асклепионов в каких-то исключительных ситуациях.

Следует помнить еще и о том, что в Древнем мире и в Средние века большая часть населения проживала не в городах. Мы говорим «Древняя Греция» – и представляем себе Афины, Спарту и так далее, говорим «Римская империя» – и видим огромный Рим, говорим о Средневековье – и думаем о средневековых Киеве, Владимире, Москве, Париже, Лондоне. Но ведь основная масса людей обитала в деревнях, а там медицинское обслуживание и вовсе было недоступно.

В эпоху Римской империи появился врач, знаменитый не меньше Гиппократа, – великий Гален (II – начало III в.). Его считают отцом фармакологии, потому что он делал вытяжки из растительного сырья, обрабатывал травы, изготавливал так называемые галеновы препараты. Помимо этого, Гален внес огромный вклад в развитие медицины в целом: он собрал и классифицировал сведения по анатомии, физиологии и фармакологии, накопленные античной наукой, описал около 300 мышц человека, создал первую в истории физиологии теорию кровообращения, а также многое другое. До нас дошло около сотни его трудов по философии, медицине и фармакологии (из почти 400 написанных). Гален был личным врачом нескольких римских императоров, сменявших друг друга. Помимо императоров, он наверняка лечил кого-то еще, но круг его пациентов, очевидно, был узким.

Необходимо упомянуть и о светоче медицины арабского мира, средневековом персидском ученом и враче Ибн Сине, известном на Западе как Авиценна. Множество удивительных докторов с Востока писали трактаты, лечили больных, проводили операции. Но и их услугами пользовались лишь избранные.

Из китайских медиков мы знаем прежде всего знаменитого доктора Хуа То – одного из отцов обезболивания: он создал некий обезболивающий, одурманивающий напиток на основе какой-то травы (возможно, конопли или чего-то подобного) и применял его во время операций. В классическом китайском романе «Троецарствие» зафиксирована легенда о том, как злобный правитель одного из китайских царств по имени Цао Цао позвал Хуа То, потому что у него всё время страшно болела голова. Хуа То сказал, что может попробовать сделать операцию, но для этого требуется обезболить пациента, погрузив его в сон. Цао Цао решил, что тот хочет его убить, и бросил медика в тюрьму. В тюрьме Хуа То записал множество своих рецептов и – когда понял, что его казнят, – передал книгу с секретными записями тюремщику. Дома тюремщик отдал этот труд жене, а жена испугалась, что их заподозрят в связи с Хуа То, замыслившим убийство правителя, и задумала уничтожить записи. Когда тюремщик снова пришел домой, он увидел, что жена вырывает один за другим листы из этой бесценной книги и сжигает их. В

итоге осталось всего несколько страниц. Секрет обезболивания был утерян, и потом его искали очень многие врачи.

В XIV веке жил и работал знаменитый средневековый доктор Ги де Шолиак, отец хирургии. Он лечил нескольких римских пап в тяжелое время – когда бушевала эпидемия чумы, «черная смерть». С дозволения церкви он вскрывал тела умерших от чумы, пытаясь разобраться с причинами бедствия. Одним из первых он придумал прижигать бубоны чумы, пытаясь таким образом победить заразу (причем, заболев, проводил эту болезненную процедуру сам себе). Папе римскому он велел принимать посетителей, закрывшись от них преградой из пламени – словно щитом. В памяти людей он остался как великий чумной доктор, хотя сделал для развития медицины и много всего другого.

Каждому из нас знакомы страшные изображения чумных докторов – в жуткой маске с носом, куда клали душистые травы (тогда всё еще верили, вслед за Гиппократом и Галеном, в то, что миазмы, вонь передают заразу, а душистые травы способны ее остановить). Во время эпидемии доктора ходили в этих странных масках, в перчатках и с длинными палками, которыми трогали пациентов, проверяя, живы ли они.

Тем не менее на медицинскую помощь могли рассчитывать немногие, и речь идет не только о Средних веках. Подавляющее большинство русских крестьян не имело возможности обратиться к доктору вплоть до второй половины XIX века, до того момента, пока не стали появляться земские больницы или хотя бы фельдшерские пункты. Вспомним «Записки юного врача» Михаила Булгакова: какие темные крестьяне приходили к земскому доктору, как тяжело ему было лечить их – без лекарств, без достаточной научной базы и опыта. Однако это все-таки уже был врач.

Не будем забывать и о том, что в течение многих веков человечество вело менее здоровый образ жизни, чем мы сегодня. Да, сейчас мы живем в больших городах с их промышленностью, загрязняющей окружающую среду, употребляем в пищу искусственные добавки, дурно влияющие на наше самочувствие. Однако людям до XIX века, например, не приходило в голову, что чистота – залог здоровья. Испачкав руки в земле, человек их, конечно, споласкивал. Тот, кто жил на берегу реки или моря, купался чаще остальных. Но мысль о микробах и их вредном воздействии никому в голову не приходила.

Древние римляне очень любили бани. Куда бы они ни приходили, они везде строили роскошные термы с бассейнами с горячей и холодной водой. Но бани выполняли, скорее, роль общественного и развлекательного места, помогающего социализации. Там работали цирюльники, там продавались книги, там давали еду. За общением в термах люди могли провести целый день.

В Средние века, особенно в позднем Средневековье, бани в Западной Европе постепенно сошли на нет. Во-первых, мужчины и женщины их посещали совместно, и в какой-то момент это стало считаться неприличным (главным образом после того, как в XVI веке по Европе распространился сифилис). Во-вторых, мытье в целом несло угрозу здоровью: в отсутствие центрального отопления можно было простудиться. Правда, при некоторых заболеваниях медики, наоборот, применяли гидротерапию.

В XVI веке венецианский посол с некоторым удивлением написал о великой английской королеве Елизавете, что она моется раз в месяц, даже если это не нужно. Естественно, в последующие времена это породило множество шуток, однако он имел в виду простую вещь: королева – настоящая чистюля, раз купается, даже когда не больна.

Всё это не означает, что люди ходили грязными – просто они имели другие представления о чистоте. Горожане регулярно омывали те части тела, которые видны, – то есть прежде всего лицо и руки. Остальное тело почти никогда не мыли. При этом в Средние века (опять же горожане) часто стирали белье, рубашки. До нас дошли сведения, касающиеся Англии: рубашки

меняли каждый день, так как считалось, что ткань (скажем, льняная) впитывает грязь и пот и способна заменить мытье.

Например, Людовик XIV, который имел доступ к любым средствам гигиены, мылся, как говорят, всего несколько раз в жизни. Он, очевидно, ходил в купальню в Версале – но не ради мытья, полагаю, а для развлечения.

Конечно, такие представления о гигиене не способствовали здоровому образу жизни. Как и отсутствие в свободном доступе обезболивания. До второй половины XIX века народ использовал в этих целях дурмящие напитки на основе наркотических веществ: опиума, белладонны и так далее. Много подобных примеров мы знаем из литературы. В «Шахнаме», знаменитой поэме великого персидского поэта Фирдоуси, волшебное существо – покровитель птиц Симург – предлагает опить роженицу вином, смешанным с разными дурмящими травами, чтобы сделать ей кесарево сечение, так как могучий богатырь не может родиться иным способом.

В средневековой Англии напитков на основе белладонны или белены использовали одновременно и как обезболивающее средство, и как яд. Считается, что именно его Клавдий влил в ухо старшему Гамлету, когда тот спал в саду, и убил его. Однако в малых дозах это лекарство применяли при операциях.

Можно лишь посочувствовать и тем несчастным, у которых болели зубы. Конечно, до XVI века ели значительно меньше сахара, но кариес всё равно был, и боль могла истязать человека годами. К концу жизни большинство уже и вовсе оставалось без зубов. Иногда в литературе – неважно, в художественной или в исторических источниках, – отдельно отмечают как удивительный факт, что у старого человека сохранились все зубы. Та же королева Елизавета зубами похвастаться не могла: в молодости желтоватые, к концу жизни они у нее почернели, то есть сгнили. Как же ее, наверное, мучила зубная боль!

Правда, королеве Елизавете зуб аккуратно мог удалить придворный цирюльник. Цирюльники в городах вообще долгое время выполняли функции стоматологов и хирургов. В деревне же и того, вероятно, не имелось.

Люди веками жили в ужасающих условиях, и помогали им те, к кому сегодня мы вряд ли обратились бы за лечением. Как в древности приходили в храм Асклепия, так в Средние века просили о помощи тех, кто общался с высшими силами: например, больных и особенно стариков поддерживали в монастырях. Монахи и монахини (забота о больных вообще считалась женским делом) нередко устраивали приюты для бедных и больных, делали лечебные смеси, взвары, мази из трав и ухаживали за страждущими. Более обеспеченный человек мог обратиться к алхимику. Мы ассоциируем алхимиков прежде всего с поисками философского камня и созданием золота, а не с лечением. Но ведь философский камень главным образом предназначался для изготовления эликсира вечной жизни, а золото – это его побочный продукт. Алхимики в постоянном поиске эликсира бессмертия проводили разнообразные химические эксперименты и потому освоили много разных методов, которые потом станут использовать химики и аптекари: они будут производить возгонку, делать дистилляты – всё то, что позже перейдет в фармацевтику.

Согласно легендам, в первые века нашей эры некая женщина-алхимик Мария Пророчица проводила разнообразные алхимические исследования. В частности, считается, что она придумала паровую баню (по-французски, кстати, это называется *bain-marie*, то есть «баня Марии»). Она пропаривала разные смеси и якобы одна из первых применяла дистилляцию, перегонку, готовя эссенции. Так что жидкости, получаемые алхимиками, использовались в том числе и для лечения, а алхимик, служивший королю или какому-нибудь феодалу, был немного врачом и астрологом.

Больницы стали появляться еще в раннем Средневековье – в основном, по инициативе церкви или каких-то благочестивых людей. Неслучайно слово «госпиталь» перекликается со

словом «хоспис», который в тот момент являлся местом, где оказывали помощь (в том числе медицинскую) слабым и престарелым. Мы знаем, например, что в начале VII века папа римский Григорий Великий приказал создать такой госпиталь, или странноприимный дом, в Иерусалиме – для приходивших паломников. Впоследствии по распоряжению Карла Великого его расширили и даже организовали при нем библиотеку – очевидно, состоящую из медицинских трактатов. Ясно, что у паломника, совершившего долгий путь из Европы на Ближний Восток, могло развиться множество заболеваний, он мог быть просто истощен и изможден – и потому попадал туда. Но в эпоху крестовых походов это учреждение сгорело. Позже один из халифов разрешил христианским монашеским орденам воссоздать его, и затем в XII веке на основе этого госпиталя возник великий рыцарский орден госпитальеров (орден Святого Иоанна), основной задачей которого являлась помощь паломникам, в частности медицинская, их охрана и сопровождение. Таких больниц для паломников в результате возникло довольно много, и размещались они прежде всего вдоль их основных маршрутов.

Возникали больницы и для бедняков. Одно из древнейших подобных заведений (действующее до сих пор) – это Отель-Дьё в Париже. Легенда гласит, что его как приют для нищих организовал в VII веке святой Ландри. Первые документы, связанные с Отель-Дьё, относятся к IX веку и производят большое впечатление. С тех пор больница много раз менялась, претерпевала разного рода реорганизации, однако во все времена в ней оказывали прекрасную медицинскую помощь. Что подразумевалось под «прекрасной медицинской помощью» в Средние века? Как и в большинстве таких учреждений, здесь больные лежали в кроватях по несколько человек, в периоды эпидемий могли уложить сразу шестерых: троих – в одну сторону головой, троих – в другую. Хочется думать, что эти кровати были шире привычных нам, но всё равно факт удивительный. Монахиням, которые ухаживали за больными в Отель-Дьё, приходилось отводить их в уборную на улицу (подкладное судно на тот момент еще не появилось), что было нелегко, ведь не все из них могли ходить. На каждую пару человек выдавался набор одежды из накидки и чего-то вроде тапочек, позволявший дойти до туалета, – привилегия богатой больницы, живущей на большие пожертвования.

С течением времени лечебницы разрастались, распространялись медицинские школы – вспомним знаменитую Салернскую врачебную школу, уходящую корнями в древние традиции христианской и мусульманской медицины. Но докторов всё равно не хватало. С XIII века медиков в Европе обязали получать лицензию, и это сразу осложнило жизнь многим женщинам. Ведь, как я уже упоминала, забота о больных считалась женским делом, а лицензии выдавались только мужчинам. И понятно, что существовало довольно много целительниц-женщин, которые не просто ухаживали и водили ослабленных в туалет, а действительно лечили.

Так, в XIV веке в Париже судили женщину по имени Жаклин Фелис – за то, что она имела нахальство лечить людей без лицензии. Она оправдывалась тем, что могла, в отличие от докторов-мужчин, прикасаться к скрытым частям женского тела. Однако ее всё равно затравили – и не только из-за отсутствия лицензии, но еще и потому, что она брала плату за свою помощь, то есть причисляла себя к врачам, а не к знахарям (которые официально вознаграждение не принимали). Ей присудили выплатить очень большой штраф и запретили лечить людей – под угрозой отлучения от церкви. Хотя она, вероятно, всё равно продолжила свою деятельность.

Кстати, тот факт, что она позволяла себе прикасаться к частям тела пациенток, является довольно неожиданным. Все замечательные лицензированные врачи исходили из гуморальной теории (сформулированной еще Гиппократом) – о том, что здоровье определяют четыре главные жидкости организма: кровь, черная желчь, желтая желчь и слизь (флегма). Если они находятся в равновесии, то человек чувствует себя нормально, если же одна перевешивает другие, то возникают заболевания. Как правило, баланс восстанавливали при помощи кровопускания или клизм. Диагноз ставили по пульсу либо по виду мочи, и большинство врачей не считали

нужным осматривать пациентов. Диагноз мог зависеть также от того, под каким знаком зодиака больной родился или захворал.

Но в целом человечество – и неважно, говорим ли мы об античном мире, о средневековой Европе или Руси, об Азии, об Африке, – жило в мире, который подчинялся совершенно другим законам, в мире, пронизанном магическими связями и закономерностями, населенном духами. Духи, обитавшие повсюду – в жилищах, на деревьях, в воде и под землей, – постоянно находились рядом и влияли на быт людей. С ними следовало уметь договариваться, поддерживать доброе соседство, пользоваться их помощью, ведь многие из них – наши предки, которым положено заботиться о потомках, если потомки их не обижают.

Конечно, магия держалась на устойчивых представлениях – в частности, о связи подобного с подобным. Например, люди верили, что цвет волос знахаря должен совпадать с цветом волос того, кого он лечил, – тогда лечение с большой вероятностью будет успешным. Подобные убеждения обладали эффектом плацебо: если человек верил, что ему помогут, чаще всего так и происходило.

Магические ритуалы существовали еще в первобытные времена, в родовых обществах по всему миру, и, как ни странно, не теряли своей значимости практически во всех исторических периодах.

Чтобы поддерживать отношения с духами, требовались люди, которые могли это делать, иногда даже против собственной воли. По всему миру собрано огромное количество историй о том, как, например, шаман ощущает свое призвание. Духи требуют, чтобы человек стал шаманом, а он может этого не хотеть, но и отказаться нельзя – это грозит ему смертью. Согласно рассказам, с избранным могут происходить невероятные вещи: он возносится на небо, как бы умирая, а потом обретая новую жизнь, и в дальнейшем способен вступать в контакт с духами, чтобы вызывать разные природные явления, гадать, врачевать и, в частности, обеспечивать здоровье тем, кто его об этом просит.

Более полувека назад знаменитый итальянский историк Карло Гинзбург опубликовал книгу *Benandanti*, где подробно исследовал материалы многочисленных дел, которые итальянская инквизиция в конце XVI и в XVII веке заводила против людей, прозванных «бенанданти» (или «благоидущие»). Эти люди в большинстве своем не понимали, почему их допрашивала инквизиция, ведь они защищали своих соседей и урожай от ведьм и разных напастей. Они утверждали (и об этом свидетельствует множество допросов), что в какой-то момент просто слышали призыв примкнуть к рядам бенанданти, потому что родились «в сорочке» – в плодном пузыре, который не порвался в родах. Проигнорировать этот призыв они не могли. И каждый четверг в определенное время года их воинство, вооруженное пучками укропа, отправлялось со своим предводителем сражаться с ведьмами, вооруженными пучками сорго. Их победа предвещала хороший урожай, а победа ведьм – плохой.

Некоторые из них говорили, что они засыпали и видели всё это во сне, а ближние в тот момент не могли их разбудить. То есть они впадали во что-то вроде транса и совершали духовные путешествия. Другие уверяли, будто всё происходило в действительности: они превращались в разных животных (или же садились на животных – на кошек, на петухов) и шли сражаться. Инквизиторы пытались обвинить их в организации дьявольских шабашей, но бенанданти возражали: «Нет! Мы сражаемся за Христа и за Деву Марию, мы защищаем людей». Они рассказывали, что по возвращении с битвы испытывали сильную жажду, как и ведьмы. И если им не выставляли воду, они заходили в погреб и пили вино. Причем ведьмы после этого мочились в бочонки с вином, а бенанданти этого не делали.

Конечно, под давлением инквизиторов многие из них начинали себя оговаривать, признаваясь в совершении дьявольских дел, хотя при этом оставались искренними христианами. По их словам, ведьмы запрещали им раскрывать свои секреты, угрожая наказанием. Иногда

бенанданти буквально падали и утверждали, будто ведьмы бьют их, – то есть магические силы еще и неотступно следили за ними.

Тот же Карло Гинзбург обнаружил, что в Ливонии в XVI веке были люди, считавшие себя оборотнями. Оборотень в нашем понимании – это порождение нечистой силы. Но ливонские оборотни говорили, что как раз защищают от нечисти добрых христиан.

Многие из этих людей также утверждали, что способны излечивать детей и иногда взрослых, на которых ведьмы навели порчу. Порча – это болезнь, которую практически во всех цивилизациях, в древности и в Средние века, воспринимали как порождение колдовства. Даже в XX веке этнографы фиксировали у разных африканских и австралийских племен представление о том, что заболевший человек – просто заколдованный. К бенанданти тоже приносили больных детей, и они говорили, что это проделки ведьмы, советовали положить пучок укропа или чеснок (в Италии его считали средством от всякой нечистой силы) – и тогда ведьма уйдет, а ребенок выздоровеет. Люди нередко видели в болезнях живых существ. Недаром на Руси верили в лихоманок, лихорадок, трясавиц – персонифицированных в образе девиц духов, которые вселялись в человека и вызывали жар и озноб. Удивительно, но до наших дней у северных народов России жива вера в силу знатков, знахарей. Знахарь – это тот, кто знает (как и ведун, ведьма – тот, кто ведает), он владеет тайными знаниями, а не просто изучил вопрос по книжкам. Ему известны «правильные» слова, волшебные заклинания.

Кто мог стать знатком? Любой человек, не похожий на других. Например, тот, у кого совершенно черные глаза, либо старовер, живущий в деревне, где староверов нет, либо иноверец, либо хромой, либо представитель редкой профессии (который занимается не тем, чем занято большинство). Все эти люди почему-то знают то, что неизвестно остальным, и связаны с магическим миром.

Каким образом знаток обретал свои знания? Ему их кто-то передавал. А он обязан был передать эти ценные сведения другому, иначе ему грозила мучительная смерть. Причем передавать не обязательно только по наследству. Но человеку, выбранному преемником, следовало согласиться принять это тайное знание – лишь тогда оно сохранялось и переходило дальше.

Что делали (и делают) знатки? Да, в общем, примерно то же самое, что делали бенанданти в Италии, знахари – в средневековой Франции или Англии, колдуны и ведьмы – в глубокой древности: навели порчу и избавляли от нее, гадали и предсказывали будущее, обеспечивали удачу на охоте и рыбалке и даже пробовали влиять на погоду. И, естественно, они могли лечить. То есть поддерживали связи с окружающим людей магическим миром.

Колдун, например, был способен «закрыть» скотину. Корова паслась, а ее никто не видел, искали и не находили. Упрашивали колдуна – он ее «открывал», и буренка возвращалась домой. Мог он остановить свадебный поезд (не давал двигаться на свадьбу гостям, жениху и невесте) – скажем, из обиды, как в сказке о спящей красавице или в мифе о яблоке раздора, подброшенном богиней Эридой, не приглашенной на свадебный пир Пелея и Фетиды. Не ублажили колдуна – он испортит праздник, наведет порчу, и не будет в семье счастья. Вспомним картину В. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу»: как его встречают, каким опасливым уважением он окружен. Такого гостя, конечно, посадят на почетное место, чтобы он наколдовал супругам счастливую жизнь.

Все люди, связанные с миром природы (всегда волшебным), – немножечко колдуны. Охотник, например, владеет своей охотничьей магией. Он очень уязвим и потому вооружен огромным количеством суеверий. Каждому известно охотничье пожелание на удачу – «ни пуха, ни пера». Охотники никогда в лесу не называют медведя медведем, а говорят «дедушка», «хозяин тайги», чтобы не привлечь, не позвать его. Охотник не разрешает другим трогать свое ружье, потому что это только его инструмент, в чем-то магический. Так же и рыбак не даст прикоснуться к своей удочке и никогда не станет свистеть на воде, чтобы водяной не услышал и не ответил (ведь если водяной свистнет в ответ – налетит буря и перевернет лодку).

Важная роль отводилась в старину и пастуху, ведь он отвечал за существенную часть жизни деревни. Сегодня пастушеская магия уходит, потому что стаду в поле ничего особенно не угрожает. Но прежде стада нередко пасли в лесу, где скот могли задрать дикие звери. И пастуху приходилось договариваться с лешим, с силами природы. Иногда он обещал лешему корову в награду за охрану всех остальных. И если волки задирали корову, ее воспринимали как принесенную жертву. Отвечавший за это пастух использовал множество магических ритуалов. Выгон совершался обязательно в Егорьев или Николин день, либо как только станет тепло, но не в понедельник, среду, пятницу или субботу, а также не в тот день недели, на который попало в текущем году Благовещение. Вечером накануне выбранного дня пастух обходил дома и собирал с коров по клоку шерсти, затем он запекал эту шерсть в специальный хлеб, который скормливал наутро скоту. То же самое делали и хозяйки, каждая со своим животным. Утром он трубил в рог или в берестяную трубу, оповещая всех о времени сбора. Коров прогоняли через ворота, сооруженные из трех жердей, поставленных в форме буквы П, или из двух соединенных макушками березок, и собирали в специально огороженном месте. На землю в воротах клали замок с ключом или крюк, кочергу, пояс и тому подобное, а сверху вешали икону. По обе стороны прохода у столбов клали замок и ключ, половинки расколотого надвое полена, два куса воска, нож и камень. Скот также иногда прогоняли между двумя кострами или дымящимися головешками. Собрав всё стадо вместе и скормив коровам специально приготовленный хлеб, пастух трижды обходил их «по Солнцу» (по часовой стрелке). Этот самый сложный магический обряд, который сегодня отмирает, еще несколько десятилетий назад проводили в деревнях.

Умели такие люди и принимать роды. Повитуху (повивальную бабку) тоже во все времена считали человеком особым: она не просто оказывала медицинскую помощь, а присутствовала при важнейшем моменте – при входе человека в мир живых, пересечении им главной границы, когда он особенно уязвим. Поэтому она еще и омывала ребенка после рождения, совершая магическое действие – смывая с него следы того, неживого мира, из которого он пришел. В воду при этом клали, например, серебряную монету или яйцо – очевидно, как символ жизни. Затем она проводила различные обряды с последом и с той самой «сорочкой», в которой иногда появляются на свет малыши. На Руси, как и везде, всем этим элементам, сопутствующим рождению, приписывали волшебные свойства. Пуповину, которую повитуха перевязывала волосями роженицы, потом хранили отдельно – считалось, что она обеспечит ребенка здоровьем.

Понятно, что речь идет об очень древней магии, дошедшей до нас с каких-то совершенно незапамятных времен. Постепенно языческие верования перемешивались с христианством, и это, в общем, никого не удивляло. Те же самые бенанданти неспроста никак не могли понять, чего от них хотели инквизиторы: они же сражались за Христа и Деву Марию.

Выдающийся специалист по Средним векам Арон Яковлевич Гуревич в своей знаменитой книге «Категории средневековой культуры» приводит удивительные примеры того, как магия пронизывала жизнь средневекового человека и, в частности, как она защищала его. В то время человек постоянно находился в опасности: ему угрожали болезни, враги, непогода, голод, стихийные бедствия. Он чувствовал себя незащищенным и потому апеллировал к волшебным силам, моля их о защите. Обращаться к ним было надежнее через посредника. И, как отмечает Гуревич, эти функции возлагались не только на шаманов, знахарей и колдунов, но и на священников, которым, казалось бы, следовало заниматься прямо противоположным и бороться со всеми этими силами. Ученый хорошо показывает нам, как разделены были в Средние века (да и не только тогда) таинства, совершаемые в церкви, – причастие, исповедь и так далее, – и то, что называется сакраменталиями, – католические священнодейственные обряды или предметы, в этих обрядах освященные и обладающие силой: святая вода, или соль, получившая благословение священника, или свечи, которые вне церкви обретали языческое значение.

В книге «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» Гуревич приводит документ XV века о формуле благословения золота и благовоний, совершавшегося на Крещение: «Священник производит очищение “святыми и невыразимыми именами Бога” и при этом дает необычайно развернутый перечень их, всего более восьмидесяти имен, как бы страхась пропустить хотя бы одно и впадая в повторения. Но этого каталога имен недостаточно, и к ним присоединяется заклятие “Небесами и землею и всем, что на них находится”; далее следуют все ранги небесной иерархии, апостолы, евангелисты, мученики, исповедники, вдовы и девственницы. Наконец, в заклинание включены “ноги и руки, тело и все наружные и внутренние органы и кровь нашего Господа Иисуса Христа”, его деяния, речения и крестная мука. Затем священник возглашает: “Да защитят благовония и золото от невзгод и болезней” – и тотчас начинается обширный перечень этих болезней, от проказы, эпидемии, паралича до зубной боли и глазных заболеваний; да не погибнут люди, на коих распространяется благословение, ни идучи по земле, ни сидя, ни стоя, ни при падении, бодрствуя или во сне, ни на воле или в море, и да не пострадают телом или имуществом от воров, грабителей, врагов...» и т. д. – длинное-длинное благословение. Ученый резонно замечает, что «фимиамы и благовония, утрачивая свой символический смысл, явственно перерастают в магические талисманы, охраняющие человека всесторонне, во всех ситуациях». Даже сама эта формула звучала как магическое заклинание. И, что удивительно, современные русские знатки, живущие на севере России, тоже используют соль, свечи, святую воду и другие предметы, которые в Средние века называли бы сакраменталиями.

Дальше Гуревич приводит другой пример: «Для исцеления больных животных разрезали хлеб крестообразно на четыре части, произнося при этом церковную формулу, благословляющую соль и воду, и одну из четвертушек смешивали с другим хлебом, который подавали нищим в честь двенадцати апостолов, а оставшиеся три четвертушки скармливали скоту... Вновь существенно подчеркнуть, что этими обрядами, по сути своей профанировавшими христианскую религию, руководили священники». Здесь уместно вспомнить об уже упомянутой пастушьей магии, когда пастух тоже скармливал скоту хлеб, приготовленный определенным способом, с соблюдением явно языческих ритуалов, и при этом считал себя добрым христианином.

Еще пример из Средних веков: «Роженице можно помочь, если ей подает воду для питья преступник или если она посидела на его одежде. Целебные свойства приписывались вещам, которые принадлежали преступникам. Веревка повешенного была талисманом, а части одежды казненного должны были приносить удачу. Благотворным для роженицы было посидеть на погребальных носилках. Эти обряды церковь осуждала, но, как мы могли в очередной раз убедиться, грань между дозволенными ритуалами, в которых принимал активное участие и сам священник, и ритуалами предосудительными с точки зрения духовенства, – эта грань была зыбкой, отчасти размытой, нечеткой».

Обряд, при котором священник обходил поле, благословляя его и будущий урожай, тоже отражал древние языческие верования и проводился практически повсеместно. На Руси еще в XIX веке, к неудовольствию церкви, существовал обычай «валить попа». Крестьяне валили священнослужителя на землю (либо после жатвы – чтобы вернуть полю его силу, либо весной – для богатого урожая) и катали его по земле. Священники почему-то не особенно этому радовались, но и не сильно возражали.

Понятно, что люди, тесно связанные с магической сферой природы, умели использовать ее как во благо, так и во вред. При этом они оперировали различными инструментами: словами, которые требовалось пошептать, колдовскими заговорами, силами, таящимися в самой природе – прежде всего в травах, цветах, деревьях, воде, даже в животных. Неслучайно любой знахарь (как в древности, так и сегодня) умеет собирать и заготавливать растения, знает, как и когда это нужно делать и что при этом говорить. Любому современному цветоводу известно,

что с цветами для их лучшего развития надо разговаривать. А ведь это тоже отголоски древней магии. Знахарь же всегда знал: чтобы получить лекарство, растения при сборе необходимо хвалить – и тогда в них сконцентрируются хорошие силы, а чтобы получить яд, растения надо ругать – и тогда в них соберется весь негатив. Причем таких верований придерживались и русские крестьяне в XIX веке, и ацтеки в Центральной Америке. Удивительно, как совершенно разные культуры сумели выработать схожие подходы.

Сбором трав лучше заниматься в определенные дни, когда их магическая сущность наиболее выражена. Таковой, например, является ночь накануне праздника Ивана Купалы, когда якобы зацветает папоротник (который на самом деле никогда не цветет). По преданию, папоротник откроет все клады, находящиеся под землей, тому, кто найдет цветок, – и человек обретет власть над миром. Праздник Купалы связан с летним солнцестоянием и наивысшим расцветом природы, это момент пика солнечной энергии и, соответственно, магии, а потому именно в эти дни необходимо собирать травы – ведь в них максимально сконцентрированы целительные свойства и волшебные силы.

Истории о папоротнике и дне Ивана Купалы переплетены с верованиями славянских народов Восточной Европы. Однако они удивительным образом пересекаются с похожими легендами, живущими на другом конце Евразии, в Китае, только там речь идет о женьшене. Женьшень, известный в восточной медицине более четырех тысяч лет, окружен огромным количеством мифов. Называемый «корнем жизни», он способен исцелять любые болезни и даже даровать бессмертие. Чтобы корень женьшеня в полной мере проявил свои магические свойства, его надо найти в тот момент, когда он светится (излучает магию), – тогда он сможет воскрешать из мертвых. Однако именно в этот момент его охраняют дракон и тигр, и найти его (как и цветок папоротника) непросто. Женьшень действительно обладает лекарственными свойствами, и из него изготавливают огромное количество разных лекарств, витаминов, добавок.

Третья точка на этой фантастической карте мира – французский город Грасс, столица парфюмерии, где из растений производят поразительные духи. Все, кто связан там с растениями – будь то парфюмеры или виноделы, – живут в облаке разных суеверий и магических представлений. В Грассе, с его современной парфюмерной индустрией, лепестки жасмина, например, собирают рано утром, потому что в это время концентрация эфирных масел в соцветиях достигает пика, а после сбора их сразу же подвергают обработке.

У знаменитого нью-йоркского музея «Метрополитен» есть филиал, в котором воспроизведен средневековый сад. Высаженные там травы и цветы распределены по способам применения в Средние века: для приготовления пищи, для окрашивания тканей и т. п. При этом отдельно оговаривается, что практически все растения – а средневековая западная культура знала их несколько сотен – использовались в медицинских и чародейских целях.

Растения в любые времена являлись неотъемлемой частью магического мира. Существует множество легенд о лесных созданиях: о дриадах, живущих в деревьях, о нимфе Дафне, превратившейся в лавровое дерево, о прекрасном юноше, ставшем цветком, о волшебных свойствах цветов в целом, и так далее.

Древние греки считали великим знатоком трав и целителем кентавра Хирона – учителя Ахиллеса, друга Геракла, прекрасного доброго волшебника. Кентавр – наполовину человек, наполовину конь – существо волшебное, соединяющее в себе человеческое и животное начала. Мать Хирона звали Филирой, то есть липой, и таким образом он еще и сын дерева. По совету Хирона Ахиллес использовал тысячелистник, чтобы вылечить рану одного из своих друзей. Такую же рекомендацию – приложить к ране тысячелистник – я помню из своего детства, и это совершенно удивительно: уроки кентавра Хирона прошли через тысячелетия и актуальны в наши дни.

Конечно, перечислить все магические травы, известные мировой культуре, невозможно. Современные знахари – или специалисты по народной медицине – используют их целебные свойства, следуя самым разным традициям: полинезийской, новозеландской, индийской и т. п. В каких-то ситуациях они явно выходят за границы этических норм – утверждая, например, что способны исцелять онкологических больных и залечивать страшные раны.

Наверное, самое знаменитое из древних магических растений – волшебная сома (или хаома). Ученые прикладывают невероятные усилия для того, чтобы разобраться, о каком именно представителе растительного царства всё же идет речь. Известно лишь, что это некая целебная трава, которая постоянно упоминается в священных индийских книгах (в частности, в «Ригведе»). Ее используют в сложнейших религиозных ритуалах, в длительных жертвоприношениях (какие-то из них длятся день, а какие-то – много дней и даже год).

Вспомним и обо всем известном боярышнике. В Древней Греции боярышник посвящали Гименею, богу счастливой семьи и брака, им украшали помещение, где праздновали свадьбу. В средневековой Англии, наоборот, считали, что боярышник в помещении – предвестник смерти. В средневековой Германии его ветки бросали в погребальные костры, чтобы облегчить переход души в царство мертвых. Казалось бы, совершенно противоречивые приметы, однако свадьба, за которой, очевидно, последует рождение детей, и смерть – это ведь две стороны одной медали.

Другое легендарное растение – бузина. Согласно многочисленным преданиям, она родилась на месте, где пролилась кровь какого-то святого или Иисуса, либо она растет только там, где была пролита кровь (действительно, красные ягоды бузины вызывают ассоциацию с каплями крови). Греки же говорили, что Прометей, похитив огонь, принес его людям в полом стебле бузины. Германские легенды утверждают, что ведьмы в Вальпургиеву ночь украшали одежду веточкой бузины, и до сих пор это средство используется как оберег против злых сил. В Германии и Скандинавии люди верили, что призрак леса Хильда Моер (бузина-мать) обитает в бузине и ревностно оберегает свое дерево, а потому его редко поражает молния, – по этой причине бузину высаживали в садах рядом с домом. Историю о бузинной матушке, которая способна излечивать болезни, зафиксировал для нас Ханс Христиан Андерсен. Настойкой бузины с медом лечили и продолжают лечить простуду. Есть представление о том, что бузина плохо пахнет, потому что на ней повесился Иуда (на Руси, правда, считают, что он повесился на осине). Латинское название бузины – *Sambucus*, и из нее, в частности, изготавливают известный ликер – самбуку.

Древние римляне широко применяли в лечебных целях фиалку, они добавляли ее в вино и пили этот «весенний напиток» для укрепления здоровья. А на Руси фиалки считались цветами для умерших. Кстати, в новелле Андре Моруа «Фиалки по средам» героиня каждую среду кладет фиалки на могилу своего несчастного возлюбленного. При этом в разных странах люди верили, что фиалковая вода – это приворотное средство. Если подобраться к спящему человеку, любовь которого нужно завоевать, и брызнуть на его глаза фиалковой водой, а потом быстро его разбудить, то он навсегда влюбится в того, кого первым увидит.

Представления о волшебных свойствах тимьяна (чабреца), связанные, вероятно, с его сильным запахом, существовали и у шумеров Двуречья, и у египтян, и у жителей античных Греции и Рима. Греки верили, будто эта травка возникла из слез Елены Прекрасной, а в разных европейских странах говорили, что Дева Мария родила Христа на подстилке из тимьяна. Его использовали как благовоние, воскуря фимиам перед статуями богов. Древние греки считали, что тело после омовения следовало умастить мазью из тимьяна, римляне же добавляли его в ванны (и в этом качестве тимьян применяется до сих пор). По убеждениям шотландцев, чай из тимьяна придает храбрости, а запах измельченного тимьяна выводит из обморочного состояния. Количество болезней, которые, по мнению древних врачей, способна излечить эта замечательная трава, совершенно невероятно. Например, знаменитый Диоскорид рекомендо-

вал принимать настой чабреца с медом от астмы, от глистов, как отхаркивающее средство и при родах. Плиний Старший оставил нам 28 рецептов с чабрецом. Авиценна (Ибн Сина) советовал отварить его в уксусе, приложить с розовым маслом к голове, и это поможет от потери памяти, от умопомешательства, от летаргии, от менингита, опять же от глистов и еще выведет камни из почек. Поразительно широкий спектр действия!

Можно бесконечно говорить о разных цветах и растениях, но закончить этот рассказ я хочу розмарином, который упоминается во множестве легенд, сказаний и, например, в песне Офелии (включившей его в свой букет). Розмарин считался средством очищающим и омолаживающим, помогающим от подагры. Из него делали различные настойки, масла, дистилляты. Знаменитая в Средние века вода венгерской королевы (до сих пор непонятно, о какой именно венгерской королеве идет речь) – это изготовленная алхимиком настойка из розмарина и тимьяна на бренди; позже ее усовершенствовали – стали делать на вине с добавлением множества других трав – и применяли как средство для красоты и здоровья кожи, а также употребляли внутрь для наполнения энергией и снятия усталости. Запах розмарина и тимьяна был одним из самых распространенных парфюмерных ароматов до XVII–XVIII веков, пока его не потеснил одеколон.

Так люди в течение многих столетий вступали в контакт с природой и использовали ее силу. Что-то из древних представлений кажется нам смешным и наивным, но что-то в наших аптечках есть и сегодня.

Аттила – бич божий или великий вождь?

Аттила Бич Божий, как его называли в Римской империи, – наверное, один из самых известных завоевателей. Жил он в V веке нашей эры – в нелегкое для римлян время: тогда волны варварских завоеваний одна за другой бились о Римскую империю, и к концу пятого столетия ее западная часть все-таки рухнула. Однако были в тот период войны, которые произвели куда большее впечатление, учинили куда больше разрушений, вызывали куда больший ужас, чем Аттила. Например, в 410 году вестготы под командованием Алариха захватили Рим и грабили его в течение трех дней. Это потрясло всю империю – ведь Вечный город, хотя и переживший к этому моменту множество неприятных событий, еще никогда не оказывался в руках врагов. Лишь единожды, до нашей эры, это почти удалось галлам: они завладели практически всем городом, но уцелевшие римляне смогли укрыться в крепости на Капитолийском холме и отбили нападение благодаря священным гусям из храма богини Юноны, которые ночью разбудили осажденных своими криками. То есть до тех пор Рим еще никто не покорял, даже Ганнибал.

Характерно, что после этого грабительского налета варваров широко распространилось представление о приближающемся конце света: люди куда активнее стали читать и переписывать Апокалипсис – ведь падение Рима казалось падением мира. Знаменитый церковный деятель того времени святой Иероним, узнав о произошедшем, писал: «Я потерял рассудок и способность говорить; днем и ночью меня преследовала одна мысль, как помочь всему этому, и я думал, что я также в плену вместе с святыми. Яркий светоч земного круга погас; голова римского государства отделена от его тела, а вернее сказать – с этим городом погиб и весь мир, и я онемел и впал в отчаяние; у меня не стало слов для доброго; моя печаль вернулась ко мне; мое сердце горело во мне, и мою мысль жег огонь... Кто мог бы поверить тому, что Рим, созданный из добычи со всей земли, должен пасть, что город этот должен быть и колыбелью, и могилой для своего народа... Голос мой прерывается, и рыдания не дают мне написать: покорен тот город, который покорил всю землю!» Такова реакция на захват Рима Аларихом.

Через 45 лет, в 455 году, другой варварский вождь, Гейзерих (король, создатель государства вандалов и аланов), тоже захватил Рим, и это было еще страшнее. У Алариха, очевидно, имелась договоренность с церковными властями, чтобы налетчики не трогали церкви. Вандалы же Гейзериха грабили Рим в течение двух недель, разнесли его буквально в клочья, а императрицу с ее дочерьми увезли в плен (после чего и возник нарицательный смысл слова «вандалы»).

И тем не менее ни Аларих, ни Гейзерих не знамениты так, как правитель гуннов Аттила, о них не сложено столько легенд, они не стали героями такого количества книг, преданий, картин, фильмов. Что же такое сделал Аттила?

Для начала надо разобраться, кто такие гунны. Возможно, то жуткое впечатление, которое производили Аттила и его воины, было связано с тем, что гунны оказались для римлян новыми завоевателями. С германскими племенами, нападавшими в V веке на Римскую империю, римляне давно познакомились и смирились. Несколько столетий они воевали, торговали, германцы служили у них, тот же Аларих прежде был федератом, союзником римлян, но потом изменил свое отношение. Множество германских варваров осели в Риме, обзавелись семьями (скажем, великий полководец Телехон – наполовину римлянин, наполовину вандал). Гунны же появились неизвестно откуда, их никто не знал. Вдруг в конце IV века возникла эта новая политическая сила. И заметили их, когда они напали на соседей Римской империи – на готов.

В 370-е годы готы начали продвигаться к границам Восточной Римской империи, через Балканы, и просить, чтобы их пустили на территорию Рима. Оказалось, что их стал притеснять какой-то непонятный народ – гунны. И это перемещение готов в империю поначалу пугало

даже сильнее, чем появление гуннов. Император Восточной Римской империи Валент разрешил готам переселиться на его земли, но римские чиновники принялись сильно угнетать их. Положение готов стало бедственным, и в конце концов они восстали. Началась война, и в 378 году, в битве при Адрианополе, император Валент погиб. Это произвело страшное впечатление – император пал от рук варваров. Готы сдвинулись в Причерноморье, на Балканы (территории будущей Венгрии) – туда, где много места для кочевников, где легко пасти стада, лошадей. Однако там их встретили гунны.

Упоминания о гуннах мы видим у римских историков IV – начала V века, и везде они подаются как какое-то порождение тьмы, как нечто дьявольское. Один очевидец назвал их чудищами, родившимися в азиатских степях от совокупления злых духов с колдуньями. Знаменитый историк Аммиан Марцеллин описал гуннов как демонов тьмы, и с тех пор его постоянно цитируют: «Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы с кибитками, в которых проводят жизнь... Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – вдали оттуда, вырос – еще дальше. <...> Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей». Сегодня мы понимаем, что кочевник так и выглядит – с кибиткой, одетый в шкуры, рожденный в одном месте и живущий в другом. Но для Марцеллина – представителя народа, облаченного в тоги, – это ужас. «Они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид...» Даже кони у них безобразные. Историки об этом, кстати, рассуждали: очевидно, гунны разводили лошадей совершенно другой породы, они отличались от римских – более тонких и изящных. «...И часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. <...> Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть». Понятно, что римлянину, привыкшему к изысканной разнообразной еде, пища кочевников кажется дикой. Могу предположить, что рассказы о полусыром мясе – преобразованное представление о вяленом мясе, которое едят кочевники. Да и историки многое опровергли из свидетельств Аммиана Марцеллина – в частности, найдены котлы, которыми пользовались гунны, а значит, они точно готовили еду. Марцеллин пишет, что гунны безбородые, потому что мальчикам с детства наносили порезы на щеки, чтобы у них не росла борода, – и от этого они, естественно, выглядели еще более жутко. Это тоже неоднократно обсуждалось исследователями. Не исключено, что гунны, как и многие другие восточные народы, в знак траура по погибшим родственникам или вождям резали себе лицо. Возможно, Марцеллин таким образом перетолковал этот обычай, а возможно, у гуннов и вовсе не было обильной растительности на лице. И здесь мы сталкиваемся с еще одним интересным вопросом, который вызывает жаркие споры: откуда вообще взялись гунны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.